

Пролог

Из его макушки исходил красный свет. Порой ему казалось, что он — акула, которая, опустив нагрудные плавники, приподняв нос и сгорбив спину, прорезает окровавленную воду, отдавая при этом все силы, лишь бы первой оказаться возле добычи.

Забылось, что акула не различает цветов и не может видеть крови. А он уже слеп от того ядовито-красного, что составляло теперь его мир. И тупел от усталости, разбирая — камень за камнем — обвалившиеся стены. Кирпичи тоже были красными.

Эта однообразная работа, которой не было конца, опускала его на животный уровень, потому что стены вырастали снова и снова, точно акулы зубы. В его голове больше не находилось места ни мыслям, ни воспоминаниям.

Только одна догадка проскользнула в мозг красной рыбешкой, до того верткой, что он тут же забыл о ней. Ее плавники сверкнули напоминанием о радуге, в которую он некогда мечтал окунуться. Уйти целиком. И еще в этой догадке было что-то о начале начал... О красном цвете.

Он не сумел связать эти разрозненные клочки мыслей, и они распались, потерялись в кровавой мути,

Ю Л И Я   Л А В Р Я Ш И Н А

которая (ему вдруг вспомнилось!) образовалась после взрыва. Таким способом человек глушит рыбу. Выходит, он убивает себя самого.

Не зная, что предпринять, он опустил взгляд на свои руки. Ладони были изодраны, и кровь влажно поблескивала на ссадинах. Но это означало, что он жив. Что взрыв обошел акулу стороной, поставив ей готовую добычу на обед. Он вдруг так ясно увидел оставшееся после взрыва, что закричал. Но не проснулся... Потому что он и не спал.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Прослушав записи на автоответчике, Даша протяжно вздохнула:

— С ума сойти! Всего две заявки... Этак можно и по миру пойти.

Ее вздох оживил прозрачные занавески на окне, и в их паутинных переплетениях задрожало солнце. Оно обманчивым теплом скользило по лицу, хотя с самого Крещения держалась стужа.

Дашу такая погода приводила в отчаяние, как и любого, кого кормят ноги. К вечеру она совсем их не чувствовала и, прибегая домой, падала у батареи, стараясь просунуть ступни между чугунными ребрами.

На подругу она поглядывала с боязливым восхищением: ей самой и в голову не пришло бы мчаться два квартала по морозу, чтобы просто поболтать.

— А я тебе говорила, что после Нового года будет еще хуже, — напомнила Вера, не отрывая взгляда от журнала. Когда она переворачивала страницы, Дашу слепили быстрые блики. — Все хуже и хуже, — зловеще продолжила подруга.

— Почему? — рассеянно спросила Даша, чтобы поддержать разговор, хотя мысли занимало совсем другое.

Влажно втянув воздух, Вера грозно произнесла:

— Ты забыла, что предсказал Нострадамус?!

— А что он предсказал? — покорно поинтересовалась Даша, украдкой погладив вытянутый подбородок рыжего кота, которого она, не мудрствуя, назвала Рыжий.

Укоризненно качнув маленькой, птичьей головкой, Вера протянула:

— Ну, ты вообще какая-то темная стала... Ничем не интересуешься, что ли?

— Я работаю, — сухо напомнила Даша. — Я только и делаю, что работаю. Мне хочется свозить Сережку к морю.

— А этого куда денешь? — перейдя на шепот, подруга кивнула на закрытую дверь в смежную комнату.

— Так что предсказал Нострадамус?

— Что перелом в этом году будет. Одиннадцатого июля.

— А час не указал?

— Чего ты смеешься?! Купила баба порося и хохочет! Мало тебе одного ребенка на шее?

Даша встревоженно прислушалась к тому, как внутри все мелко, неудержимо затряслось. Сейчас она могла или расплакаться, или раскричаться. И то и другое было одинаково противно.

— Никогда не говори про моего сына, что он у меня на шее.

Испуганно вскинув мгновенно прояснившиеся глаза, Вера поспешно завершила:

— Да ладно, не буду... Что ты? Я сама Сережку люблю, ты же знаешь!

— Тем более.

— Да я не о нем разговор-то завела... С этим что будешь делать? Он сейчас спит?

— Может, уже проснулся. — Даша прислушалась. — Он не зовет.

— И то ладно. Хоть ночами не будит. Ты врачам его не показывала?

ПРОСТО ВСПОМНИ ОБО МНЕ

Она виновато вздохнула:

— Да я же без денег! Что было — ушло на поездку...
Нет, всё! Не могу я об этом. Опять сейчас разревусь.

Уткнувшись в журнал, Вера ревниво заметила:

— Ты ее прямо как-то не по-сестрински любила...

— Как это — не по-сестрински? Что за глупости?

— А я ее почти и не помню. Она была такой же красавицей, как ты?

Даша уклончиво ответила:

— Мы не были похожи.

— И она еще и старше на четыре года.

— Ну и что? Что ты хочешь этим сказать? И вообще перестань... Я не могу, неужели не понимаешь?!

Шлепком захлопнув журнал, Вера вскочила с кресла — так резко, будто ее вытолкнула невидимая пружинка, — и замахала узкими смуглыми ладошками:

— Всё, молчу!

Но от Даши не укрылось, как любопытство пульсирует в ней толчками, заставляя то подергивать плечиками, то хмуриться, то шмыгать носом. Несмотря на мороз, все кругом болели гриппом, и даже школы уже несколько дней были закрыты.

«Не заразиться бы от нее, — с тревогой подумала Даша. — Мне сейчас нельзя болеть».

Этого она вообще себе не позволяла, потому что надеяться было не на кого, а Сережка мог рассчитывать только на нее. Стоило Даше почувствовать недомогание, как она проводила своеобразный аутотренинг, сердито повторяя себе: «Я не для того родила сына, чтобы он сидел голодным».

Уже утром она вешала на шею фотоаппарат, на плечо видеокамеру и мчалась снимать очередную свадьбу или юбилей, детский утренник или похороны. Заявки поступали к ней через фирму «Досуг», которая публиковала рекламу в тех газетах, которые Даша и читать-то брезговала. Но как раз эти издания пользовались все

большой популярностью, и тут уже было не до шепетильности. На жизнь им с Сережкой хватало, правда, поездка к морю по-прежнему оставалась далекой мечтой. Ночами она тепло ласкалась проблесками снов, и Даша, совсем разнежившись к утру, весь день напоминала себе, что надо поднажать, опередить других, выполнить побольше заявок, и тогда, может быть...

Пока же ее сбережений хватило на то, чтобы проехать триста километров и похоронить сестру с племянницей.

— А этот... — умоляющим тоном снова начала Вера, всем своим видом давая понять, что ее разобьет паралич, если она немедленно всего не выяснит.

Даша сдержанно напомнила:

— У него имя есть.

— А? Ну да... Этот... Данил... Он так ничего и не вспомнил?

— Вспомнил... Только он просит, чтобы его называли — Данил...

...Он смотрел на нее снизу чистыми доверчивыми глазами семилетнего ребенка.

— Данил, чего ты хочешь? — Она ласково провела рукой по его коротким гладким волосам, дымчатым от пробивающейся седины.

— Давай полетим на радугу, — застенчиво попросил он и мечтательно улыбнулся.

Даша растерялась:

— Как это — на радугу?

— Ксения обещала, что мы полетим на радугу.

— О господи! — Она догадалась, о чем он говорит. — Да ведь ты уже на радуге... Это наш район так называется — «Радугой». Не официально, конечно... Мы с Ксенией тут выросли. Это сюда она хотела тебя привезти.

Он опять улыбнулся и часто заморгал:

— Сюда? Это — радуга?

ПРОСТО ВСПОМНИ ОБО МНЕ

«Он разочарован, — мелькнуло у нее в мыслях. — Только бы не заплакал». Быстро опустившись на колени, Даша уверенно взяла его безвольные руки и легонько встряхнула:

— Послушай, Даня... Ксюша не имела в виду настоящую радугу. Туда еще никому не удалось слетать. Это... ну, как линия горизонта. Ты ведь знаешь, что такое горизонт? Все его видят, а достичь не могут. Море — оно тоже на горизонте... По крайней мере для меня.

Было заметно, что Данил изо всех сил старается понять, о чем она говорит. Его улыбка стала напряженной, а над переносицей возникли отчетливые морщины. Он сидел прямо на ковре, безо всякого стеснения разложив крупные, волосатые ноги, не прикрытые короткими спортивными трусами, которые Даша отыскала в старых вещах. Дома было жарко, и Сережка тоже бегал в одних плавочках.

Посмотрев на ее руки, Данил вдруг спросил:

— Ты — Ксения?

— Нет, я не Ксения, — терпеливо возразила она. — Я — Даша.

— Я думал, ты — Ксения, — в его голосе не чувствовалось досады, но Даша подозревала, что Данил ее испытывает.

— Наверное, мы все же чем-то похожи, — согласилась Даша. — Но я не Ксения. Я ее младшая сестра.

— У тебя глаза, как у Ксении.

Это было неожиданно. «Он совсем запутался», — с огорчением подумала Даша. Глаза у сестры были серыми, а не карими. Такие они в детстве подрисовывали принцессам — снизу веко было совершенно прямым, а верхнее закруглялось... «Радугой», — поняла Даша только сейчас. Правда, у принцесс глаза всегда делались синими, иначе сестры и представить не могли. Дашу огорчала темная окраска своих глаз, ведь в сказках такой взгляд цвета ночи бывал только у злых ведьм. Но

ведьмой она себя не чувствовала и не могла смириться с такой несправедливостью природы.

Сестру же, напротив, ничуть не расстраивало, что ее глаза похожи не на синее море, а разве что на лужицу после дождя. Ей попросту некогда было переживать из-за таких пустяков. Идеи разрывали Ксению на части, и хотя их воплощение она обычно на кого-нибудь перекладывала, но этих многочисленных «кого-то» ведь требовалось организовать... К девятому классу она уже стала секретарем комсомольской организации школы.

А вот волосы у них были одинакового — пшеничного — цвета. Ксюше не хотелось возиться с ними, и она всегда стриглась как можно короче. Даше отец изредка подравнивал волосы на уровне подбородка. Они разделялись пробором и пышным облачком взлетали при ходьбе, не закрывая лба.

— У меня волосы, как у Ксюши, — мягко поправила она, поглаживая теплые руки Данила. — Ты ошибся.

— Ошибся, — легко согласился он.

«Интересно, он и раньше не был спорщиком? — подумала она с любопытством. — Или это тоже от болезни?»

— А где шарики? — подняв глаза, спросил Данил не требовательно, а даже несколько виновато, будто понимал, что докучает своими бесконечными вопросами.

Но другого выхода у него просто не было, ведь у самого больше не находилось ответов. Да и вопросы вспыхивали только время от времени яркими искрами, оторвавшимися от той самой радуги, о которой Данил мечтал.

— Какие шарики? — Даша еле удержалась, чтобы не сказать ему «маленький», как говорила сыну.

— Цветные, — охотно пояснил он.

— Ты хочешь цветные шарики? Я сегодня же куплю тебе, договорились?

— Договорились, — Данил радостно улыбнулся и качнул крупной стриженной головой.

ПРОСТО ВСПОМНИ ОБО МНЕ

— А что ты будешь с ними делать?

Продолжая улыбаться, он поглядел на нее с легкой укоризной, словно Даша по недомыслию задала слишком интимный вопрос. Но все же пояснил:

— Играть.

— Ну конечно...

Она опять почувствовала, как в горле зашевелился теплый комок, который не мог рассосаться уже вторую неделю. Даша точно помнила, как он шевельнулся впервые, точно ребенок в утробе. Это произошло в тот момент, когда до нее дошел смысл страшных в своей нелепости слов, вылетающих из телефонной трубки: «Взорвали квартиру... То ли их, то ли соседскую — обе завалились. Армянин там жил... Даша, Даша, вы меня слушаете?»

Она слушала. Она выслушала все очень внимательно, потому что надеяться, как всегда, не на кого, и нельзя было что-нибудь упустить. Положив трубку, она начала действовать собранно и решительно, словно успела запрограммировать сама себя. Созвонилась с Верой и по дороге на вокзал заскочила в школу, чтобы предупредить Сережку. Крещенские морозы заставляли передвигаться перебежками, а ей еще приходилось постоянно держать под контролем тот беспокойный комок, что так и норовил вырваться из горла.

Но все же эти хлопоты были лучше состояния полной беспомощности, в которое Даша погрузилась, очутившись в полупустом междугородном автобусе. Она прижалась к окну, хотя соседнее сиденье не было занято, и смотрела на замороженный мир с ощущением нарастающей жути. Даше чудилось, что ее нащипливают на каждую закристаллизовавшуюся ветку, и она представлялась себе дырявой, как сито, способное пропустить любое горе.

Ей впервые не хотелось запечатлеть то, что ее окружало, потому что Даша не видела в этом красоты. Она

даже не взяла с собой ни камеры, ни фотоаппарата, с которыми обычно не расставалась. Мысль о том, что можно снять похороны сестры, казалась ей чудовищной.

Но когда Даша отыскала обуглившийся пятиэтажный дом с вырванным правым верхним углом, ей показалось, что она все же видит его через окуляр. Без таких кадров, как этот, все реже обходились телевизионные новости.

«Мы привыкаем к состоянию войны», — подумала она без надрыва и горечи. Просто подчеркнула факт.

— Это я вам звонила, — услышала она голос за спиной. — Помните меня? Я соседка снизу. Правда, вы уж давно не приезжали... Забыли, наверное?

— Нет, я вас помню.

— Что ж вы в вязаной шапочке? Простудитесь.

— Мне некогда болеть, — машинально ответила Даша, разглядывая смутно знакомую полную женщину, которая боролась с одышкой, прижимая к груди красную варежку.

Глотая окончания слов, соседка продолжила:

— Ксюшенька дала мне ваш номер, на случай чего. Будто предчувствовала... Бывает же такое! Ой... О чем я говорю?!

— Где они? — спросила Даша.

— Да где же... В морг увезли. А Данил тут сидит, у меня. Я ниже этажом живу. Как у нас-то ничего не обвалилось! Только стекла повывлетали. Ох, как страшно было!

Даша удивленно перебила ее:

— А какой Данил?

— Ну, как же? Неужели Ксюша не говорила? Верно, хотела сюрприз... Они ведь заявление подали. — Женщина робко всхлипнула, боязливо поглядывая на строгое Дашино лицо.

— Ксения собиралась замуж?

ПРОСТО ВСПОМНИ ОБО МНЕ

Та охотно подтвердила:

— Замуж. Только вот оно как обернулось... Их сразу убило. Ксюшеньку с девочкой. А ему ничего. Только он все равно...

— Что — все равно?

— Да вроде как не в себе. Наверное, по голове-то его все же ударило. А может, с горя... Сейчас-то он все равно как ребенок. Спрашиваю: «Где документы твои?» А он знай себе — улыбается! «Не знаю», — говорит. Мы там с мужем все обыскали — нет никаких документов. А я ведь ни фамилии его не знаю, ни отчества. Данил и Данил, как Ксения представила. Я еще, помню, спросила у нее: «Может, Данила?» Она говорит: «Вообще-то да, но ему кажется, что так звучит слишком по-детски. Он называет себя — Данил». А фамилию не сказала. А он-то сам теперь и не помнит. Сидит, смеется. А то иной раз так заскучает — прямо слезы на глазах. И все просит: «Спой мне. Про Барбоса спой». Ну, а куда мне петь? Я говорю-то — задыхаюсь.

С трудом осмыслив все услышанное, Даша хмуро поинтересовалась:

— А родственники у него есть?

— Ой, а кто ж его знает? Я его спрашиваю: «У тебя мама-то есть?» Всяко ведь может быть, он уже седой весь. А он опять улыбается: «У моей мамы руки белые». Что это значит? Может, в муке запомнил? Говорю: «А где мама-то?» А он на потолок показывает, и весь ответ. То ли померла и на небе, то ли живет где-то высоко.

— Но он же где-то работал? Там должны все о нем знать, — сказала Даша, затосковав от ощущения проснувшейся ответственности.

— Уж конечно, только Ксюша об этом не говорила. Я его спрашивала, а он твердит: «Я делал радугу из цветных шариков». Вот что это значит? Может, вы понимаете?

Даша беспомощно пожала плечами:

— Нет, не понимаю.

Отвернувшись, она опять нашла взглядом рваные края кирпичной стены. В той пустоте, где сейчас весело волновалась голубизна, еще вчера жила Ксения. Даша всегда допускала, что с сестрой может случиться какая-нибудь неприятность, как с любым человеком, который не способен тихонько отсиживаться в уголке. Но представить, что Ксения мертва, было невозможно. У Даши просто не хватало на это воображения, ведь в сестре всегда было столько жизни... Она была горячим ключом и часто, выплескиваясь, обжигала тех, кто находился рядом. Такие источники не пересыхают сами по себе...

— Как нелепо, — прошептала Даша, прячась за вуалькой белого пара.

Потрогав ее за рукав, соседка жалостливо произнесла:

— Я понимаю, не до того вам сейчас... Да мне ведь знать надо... Вы на счет Данила как решите? Заберете его или в больницу сдать?

— Забрать? — испугалась Даша. — Куда я его?

— Так вот, и я говорю, — женщина развела руками и, неуклюжая в своем едва сходившемся на груди пальто, сразу стала похожа на беззащитного пингвина.

«Ксения любила его, — напомнила себе Даша с невольной ревностью. — Она хотела стать его женой...»

— Где он? — обреченно спросила она, отгоняя опасные мысли о последствиях.

— Да все у меня, — в прерывистом голосе пробилась радость. — Я, конечно, не против, пускай бы жил. С ним хлопот-то никаких... Только, сами понимаете, цены на продукты ползут и ползут, а он ведь крупный мужчина, ему хорошо питаться надо.

— Я заберу его.

— А у нас со стариком только пенсия, да и ту не дожدهшься.

ПРОСТО ВСПОМНИ ОБО МНЕ

— Я ведь сказала, — нетерпеливо прервала Даша. — Не беспокойтесь.

С заметным облегчением переведя дух, соседка за семенила рядом, оживленно забрасывая Дашу вопросами:

— А вы-то сами как? Не нуждается?

— Я работаю...

— И муж, наверное, при деле? Вы такая хорошенькая! Муж, поди, на руках носит?

— Носит, — отозвалась Даша и про себя продолжила: «Носил бы, если б на свет родился».

Между приступами удушья то и дело пробивалось:

— Не смог приехать-то? У молодых нынче все дела... А как иначе? Наш сынок тоже... Все крутится, крутится... И Ксения сама-то дома почти не появлялась. Леночка все больше одна сидела.

Уже на лестнице соседка просипела:

— Бегите... Открыто там. Я на минутку выходила... Шестьдесят первая квартира.

Перескакивая через ступеньки, Даша вбежала на третий этаж и с разгона толкнула рыжую дверь. Раздался вопросительный скрип.

— Здесь кто-нибудь есть?

«Солнечная сторона, — вспомнила Даша, стараясь не наступить на выскользнувший в коридор светлый ромб. — Ксению это так радовало, когда она вышла за Бориса... Кто же мог желать ей смерти?! Только не он... Он бы и мухи не обидел...»

— Я есть, — донесся неуверенный мужской голос, и Даша, не разуваясь, шагнула в комнату.

«Ребенок! — едва не вырвалось у нее. — И впрямь — настоящий ребенок...»

Сидевший на полу мужчина доверчиво смотрел на нее и вопросительно улыбался. Он ничем не напоминал сумасшедшего, просто в его светлом взгляде не было ничего взрослого. Такую чистую глубину Даша за-

мечала только в детских глазах. Сережкины мельчали с каждым годом.

— Здравствуй, Даня, — просто сказала она, не представляя, как можно обратиться к нему на «вы».

— Здравствуй, — радостно отозвался он. — Ты за мной пришла?

— А ты поедешь со мной?

«Лучше бы он отказался», — подумала Даша в страхе. Не от того, что он мог согласиться, а от того, как ей вдруг захотелось, чтобы он согласился.

Но Данил, не задумываясь, ответил:

— Поеду. А куда?

Не сняв меховой куртки, в которой было удобно работать, Даша присела так, чтобы ему не приходилось задирать голову. Стараясь особенно не сюсюкать, она сказала:

— Ко мне домой. В другой город. У меня есть сын. Мальчик.

У нее язык не поворачивался предложить этому седому человеку играть с ее сыном, но Данил сам спросил:

— Он будет меня любить?

— Да, конечно! Он добрый.

— А ты? Ты будешь меня любить?

— И я буду.

«Может, он теперь вообще не чувствует возраста? — озадаченно подумала Даша. — И ему все равно, сколько лет мне, а сколько Сережке? А может... А может, он притворяется?! Нет... Зачем?»

— Ты хочешь какао? — улыбнувшись, спросил Данил. — Сегодня давали какао.

«Так говорят в детских садах, — вспомнила Даша. — Или в детских домах. Может, и не было у него никакой мамы с белыми руками?»

— Я не хочу какао, — отказалась она. — Я люблю кофе. Только сейчас мне некогда. Я должна уйти... Ненадол-

го. Сегодня ты еще переночуешь здесь, договорились? А завтра мы с тобой уедем.

Данил согласно кивал, улыбаясь. Заливавшее комнату солнце поблескивало на его волосах, как на круглой заснеженной макушке неизвестной горы.

«Это тоже после того? Или он и был таким?» — попыталась угадать Даша, разглядывая его седину.

Если б она спросила, Данил, пожалуйста, не понял бы вопроса...

...На похоронах она держала его за руку, как поступила бы со своим сыном. Ее тревожило, что если Данил опять начнет улыбаться, то это будет выглядеть более чем странно. Ведь всем не объяснишь... Поэтому, прежде чем вывести его из подъезда, Даша сильно сжала его руки и внушительно произнесла то, что должен был понять и ребенок:

— Послушай меня, пожалуйста. Мы сегодня хороним Ксюшу с Леночкой. Плакать не нужно. Просто думай о них. Ты ведь их помнишь? Договорились?

— Договорились...

Он без улыбки кивнул, и его заросшее лицо впервые за те часы, что Даша его знала, стало серьезным.

«Вот так, — с облегчением подумала она, довольная своим воспитательским успехом. — Надо уметь разговаривать с детьми на равных».

Но стоило выйти во двор, как усталость прошедших суток придавила Дашу к земле. Ей захотелось оглохнуть, потому что весь мир сотрясался от бесцеремонного грохота, доносившегося с соседней стройки, а совсем рядом всхлипывали какие-то женщины, которым незачем было плакать, ведь они даже не могли знать, что именно в Ксении нужно было оплакивать. Они делали это потому, что так полагалось на похоронах, и это казалось Даше отвратительным.

Она приказала себе не плакать ни в коем случае, хотя имела на это право. Вовсе не потому, что была

Ксениной сестрой, ведь родственники по крови зачастую оказываются самыми чужими людьми. А потому, что знала о Ксении всё.

«Нет, не всё, — поймала Даша себя на мысли и, незаметно нащупав руку идущего рядом Данила, мягко жала ее. — Я ничего не знала о нем. Он стал Ксениным миром, а я о нем даже не подозревала. Почему? Какой смысл был в том, чтобы готовить мне такой сюрприз? Почему в последнее время у нее появилось столько секретов? Она сказала, что сменила работу, но так и не призналась, чем занимается...»

Данил не ответил на ее пожатие. Его рука оставалась такой же безвольной, но он и не убирал ее. Даша с тревогой покосилась на его пугающе серьезный профиль, серьезный до резких морщин, пущенных из внешних уголков глаза к седому виску, до затвердевшей линии рта и сошедшихся бровей, будто присыпанных серебряной золой.

«Он все понимает! — с испугом подумала Даша. — А если он все же притворяется? Какой идиоткой я тогда выгляжу в его глазах... Да нет, что за чушь? Придет же такое в голову».

Внезапно он так порывисто наклонился к Даше, что она едва не отшатнулась.

— Ксеню увезут? — спросил он шепотом и внимательно заглянул ей в глаза.

— Да, — прошептала Даша. — А ты останешься со мной.

— А куда ее увезут?

— На кладбище. Там хоронят тела тех, кто уходит из этого мира.

— А если она захочет вернуться?

«Вполне естественный детский вопрос», — решила Даша, отогнав остатки сомнений.

— Если она этого захочет, ей дадут уже другое тело. Совсем маленькое. И мы с тобой уже не узнаем нашу Ксеню.

ПРОСТО ВСПОМНИ ОБО МНЕ

Он понятно кивнул и замолчал, но через несколько шагов снова наклонился:

— А ты не уйдешь от меня?

«От меня! — с горечью отметила Даша. — Вот несчастье на мою голову! Он уже считает меня своей...»

— Я не уйду, — заверила она и покрепче сжала его руку. — У меня тут дел по горло.

О сестре она старалась не думать и даже не смотрела на установленные в открытом грузовике гробы. Любая, даже мимолетная мысль о Ксении вливалась горячей каплей в тот до невозможности разбухший комок, что ворочался в горле, а Даша уже поклялась не выпустить его наружу. Это было ее горе. Только ее. И Даша ни с кем не собиралась делить его. Даже с этим непонятным человеком, который шел рядом.

Только в автобусе, увозившем их двоих из опустевшего города, она пришла в себя и переполошилась: «Да что же я делаю?! Что скажет Сережка? Да и вообще... Сумею ли я просто прокормить такого здорового мужика? Старушка была права — тут бутербродом не отделаешься».

Может, Даша засомневалась бы и раньше, если б после похорон их с Дániлом не принялись допрашивать родственники погибшего вместе с ее сестрой армянина. Им не давало покоя, что Данил не получил ни единой царапины.

«Этого не может быть, понимаешь?!» — кричал самый маленький из них и тыкал Даше в лицо темным, будто измазанным йодом, пальцем.

«Да у него жена и дочь погибли! — орала она в ответ, ничуть не стесняясь слегка подтасовать факты. — Это, думаешь, стоит того, чтобы убрать одного вашего приятеля? Неужели он другого способа не придумал бы? Да ты посмотри на него! Он же помешался от горя. Как вы смеете еще и обвинять его?!»

Ее напористость, выработанная годами битвы с клиентами за обещанный гонорар, смела все их до-

воды, и армяне нехотя отступили. Им и вправду оказалось не под силу найти причину для убийства настолько вескую, что она перетянула бы жизнь жены и дочери...

«Получается, повезло, — задумчиво сказал молчаливый все это время печальный носатый исполин. — Ладно, парень, живи!»

Окончательно убедив и себя, Даша опять схватила Данила за руку и потащила на вокзал. Поискать среди развалин что-нибудь из его вещей ей даже не пришлось в голову. У Даши было чувство, что она под обстрелом выводит раненого с поля боя. Какие уж там вещи...

Отдышавшись в автобусе, она покосилась на Данила со страхом: «Господи, что я буду с ним делать?» Почувствовав ее взгляд, он повернул голову и так улыбнулся, что Даше сразу стало стыдно.

— Хочешь спать? — заботливо спросила она. — Ты ведь устал. Положи голову мне на плечо... Я разбужу тебя, когда приедем.

— Договорились, — снова сказал он, как всегда отвечал Сережка, и засмеялся, довольный собой.

Голова у него оказалась тяжелой, и через четверть часа у Даши уже заболело плечо. Все еще стараясь отвлечь себя от мыслей, она с усмешкой попыталась представить, чем может быть забита его голова. Ей вспомнилась детская песенка: «Из чего же сделаны наши мальчишки?» Заполняя собственную голову, поспешно принялась перечислять, придумывая на ходу: «Из пластмассовых скорлупок... Из припрятанных окурков... Из мыльных пузырей... Нет, это скорее годится для девчонки...»

Пытаясь подражать сестре, Даша попробовала взглянуть на всё так, будто была хозяйкой мира, и уверяла себя, что большой обузой этот человек не станет. Она подзаработает денег и поместит его в больницу... Ка-

жется, у Веры был знакомый психиатр... И, конечно, надо заявить в милицию, пусть выяснят, кто он такой. В конце концов, это же их работа! Даше больше не нужно было побуждать себя действовать. Она уже действовала, теперь бы еще перестать бояться того, что она делала. Задремав на несколько секунд, Даша прижалась к теплой макушке сидящего рядом мужчины, а проснулась от того, что Данил молча и неумело вытирал ей лицо ладонью. Его разбудило то, что ее щека стала мокрой.

— Вот черт! — пробормотала Даша с несвойственной для нее грубостью и отвернулась. — Я все-таки разревелась...

— Ты плачешь, — с сожалением сказал Данил. — Я тебе уже надоел?

Она резко повернулась и схватилась обеими руками за его большое лицо.

— Ну что ты! Не смей так думать! Я не такая... Я... Я ни за что тебя не оставлю.

Когда он опять успокоенно затих на ее плече, Даша устало подумала: «Так вот в чем дело... Все тот же застарелый комплекс. Жизнь положить на то, чтобы не стать такой, как мать. Чтобы мой ребенок никогда не почувствовал того, что всё детство чувствовали мы с сестрой — мы ей не нужны. В ее понятие о счастье мы не входим... Я даже не посмела сделать аборт, чтобы не приблизиться к ней. И чтобы мой не родившийся сын не сравнил нас с того света».

Осторожно переменяя позу, потому что плечо опять затекло, Даша провела кончиками пальцев по седеющим волосам, которые трогательно жались к коже.

— Спи, маленький, — шепнула она, с трудом удержав задрожавшие от жалости губы.

Отгоняя сон, который делал ее слабой, Даша смотрела за окно, однако теперь лесное кружево не казалось ей сплетенным рукой самой смерти. Если б усталость

не наползала на глаза мутной пленкой, она, возможно, разглядела бы и красоту, которую обнаруживали в смерти сотни людей. Но пока не видела ее.

Само понятие красоты всякий раз вызывало в Дашиной душе протест. Она не считала ее непременным условием высшей гармонии, потому что саму Дашу часто называли красивой, но это так и не принесло ей счастья. И в мужчинах она всегда искала другого... В этом они с сестрой не сходились.

Не дыша она покосилась на голову, оттянувшую ее плечо. Ксения всегда выбирала лишь того мужчину, на лице которого приятно остановить взгляд.

Глава 2

— Небо теплое...

— Что? Что?

Даша часто моргала спросонья, пытаясь сообразить, чей голос разбудил ее. За целую ночь блуждания между мгновенно улетевшими назад снами она успела забыть, что «усыновила» чужого человека. Данил стоял у окна, спиной к ней, и его большое тело казалось меньше от того, что прямые лучи солнца сжигали его контуры. Услышав Дашин голос, он оглянулся через плечо, и его губы радостно дрогнули.

— Небо теплое, — повторил он, наслаждаясь привкусом весны, скрытым в этих простых словах.

Не стесняясь его, Даша выбралась из постели и в одной короткой сорочке подошла к окну. Взглянув на градусник, так и ахнула:

— Ничего себе — теплое. Минус тридцать пять!

Словно не понимая этого, Данил смотрел на нее и улыбался. Даше внезапно стало жаль лишать его столь невинной иллюзии. «А может, оно и вправду теплое, — с сомнением подумала она. — Кто его трогал?»

ПРОСТО ВСПОМНИ ОБО МНЕ

— Как ты спал? — заботливо спросила она, оглядывая разбросанную по полу постель. — Очень жестко?

— Нет, — поблескивая глазами, заверил Данил. — Я так хорошо спал! Я летал во сне. Немножко страшно было.

«Совсем дурачок», — подумала Даша с сожалением и зачем-то потрогала его лоб.

— У меня сегодня только вечерняя съемка, весь день буду с вами, — сообщила она и внимательно взгляделась в его счастливые глазки: понял ли?

— Мы поиграем в карты? — оживился Данил.

Она хмыкнула:

— В «дурачка», да?

Ее усмешка отразилась на его лице такой радостью, что Даше стало не по себе: «Ксюшу только похоронили, а он знай себе — цветет!»

— Там, на небе, не надо дышать, — вдруг сказал Данил, переведя взгляд за окно.

— Да ну? Ты там был, что ли?

— У тебя память, как у старушки, — упрекнул он. — Я же только что рассказал тебе, как летал.

— Так то во сне!

Он упрямо сдвинул посветлевшие с годами брови:

— Ну и что? Какая разница — спишь ты или нет?

— Я всегда считала, что есть разница, — пробормотала Даша, с удивлением обнаружив, что больше не сердится.

— Нет... Всё так же чувствуешь.

— А почему там не надо дышать?

— Там столько воздуха! Он сам в тебя накачивается, как в шарик.

Даша придирчиво поправила:

— Шарик надувают углекислым газом. Или гелием.

Его улыбка медленно съезжилась, и Даша едва не шлепнула себя по губам, как поступала с сыном, когда тот говорил гадости.

«Вот бестолочь! — с раздражением подумала она о себе. — Нашла с кем спорить! Да пусть говорит что хочет...»

— Ты мне совсем не веришь? — печально спросил Данил, скосив глаза на окно.

— Ну что ты, мой хороший! Конечно же, я верю. Просто мне немножечко странно это слышать. Я уже давно не летаю во сне.

— А что ты делаешь? — невинно поинтересовался он.

Прыснув, Даша нечаянно прижалась лбом к его горячему плечу и отшатнулась. Данил посмотрел на нее и неуверенно растянул губы.

— Ты что?

«Я забыла, что ты — мужчина, — призналась она про себя. — А ведь ты выглядишь как мужчина, и держишься как мужчина, и пахнешь... Вот только рассуждаешь как ребенок».

— Сейчас мы с тобой позавтракаем, — не ответив, сказала Даша. — Пусть Сережка отоспится, у них в школе карантин. Да еще и морозы такие, что все равно младшие классы не учились бы. Он ведь еще в третьем... Ты, наверное, уже знаешь?

— Нет.

Данил опять отвернулся к окну, но на его лице больше не было отсвета весенней радости. Подобравшись сбоку, Даша заглянула ему в глаза:

— Я тебя чем-то расстроила?

— Он не хочет со мной разговаривать, — помолчав, произнес Данил. — Но ты не ругай его! Это ведь его дело. Он здесь жил, а я взялся откуда-то на его голову...

— Это он так сказал? Вот поросенок, — сердито пробормотала Даша. — Я не буду его ругать. Только и ты на него не обижайся. Он ведь просто маленький, глупый мальчишка.

Данил коротко взглянул на нее исподлобья и, опустив длинные ресницы, пообещал:

ПРОСТО ВСПОМНИ ОБО МНЕ

— Хорошо.

— Как ты относишься к яичнице? — деловито спросила она, собирая с пола одеяла. — Честно говоря, я не мастерица готовить...

— Хорошо отношусь, — серьезно ответил Данил.

Он поднял подушку и прижал к животу, не зная, куда положить. Глянув на него, Даша беззлобно фыркнула:

— Ты похож на Карлсона. Варенье любишь?

— Я сгущенку люблю, — простодушно поправил он и вдруг сказал как-то совсем не по-детски: — У тебя такие ноги красивые.

Выпрямившись, Даша выразительно потрясла головой:

— Что-что ты сказал?

Данил сразу смутился:

— Это нехорошо?

— Наоборот. Ну-ка, скажи, что еще у меня красивое?

— Пальцы, — ответил он.

«А мышление у меня, как у самки гиббона», — упрекнула себя Даша и, подняв руку, повертела ею перед глазами.

— На что они, по-твоему, похожи? — с интересом спросила она.

— На струи, — сказал Данил, удивив ее в очередной раз.

— Какие струи?

Он не менее удивленно пояснил:

— Когда бьет фонтан, бывают такие вот струи. Разве ты не видишь? С них как будто стекает музыка.

— Ох ты, как красиво! — восхитилась Даша. — Ты стихи не сочиняешь?

Данил смущенно засмеялся и отвел глаза:

— Нет. А при чем здесь стихи?

— В самом деле... — Она еще раз оглядела свои пальцы. — А я ведь занималась музыкой. Только не окончила школу. Я и художественной гимнастикой занималась.

И немного — спортивной. Но у меня ни на что не хватало терпения. А может, таланта... Скорее всего, таланта. Вот только снимать прилично научилась, потому что мой отец... Наш с Ксюшей... был оператором на телевидении. Иногда он брал меня на съемки, а несколько раз даже пускал в студию во время прямого эфира. Знаешь, как интересно! Ну, а потом я институт окончила. Отделение: кино-фото.

Отвлечшись от воспоминаний, она с подозрением посмотрела на Данила. Он слушал очень внимательно, но это еще не значило, что он все понимал.

«А может, и понимает, — неуверенно подумала Даша. — С Сережкой же я всегда разговариваю на равных...»

Она шагнула к нему и взялась за подушку:

— Давай я уберу в кладовку.

Выпустив пухлые уголки, Данил вдруг обнял ее вместе с подушкой. Не испытал ничего, кроме удивления, Даша спросила:

— Что это ты собираешься сделать?

— Не знаю, — в его голосе не слышалось ни малейшего лукавства.

Даше тотчас припомнилась слышанная когда-то история о деревенском дурачке, обладавшем фантастической мужской силой.

«Обрадовалась! — пристыдила она себя. — Не с рождения же он был дурачком. Да и не дурачок он вовсе... Это у него шок. Такое проходит».

— Пусти меня, — спокойно попросила Даша. — Пойдем лучше яичницу пожарим.

Он охотно разжал руки, но Даша тотчас нагрозила его одеялами и повела к кладовке, спрятавшейся в углу коридора рядом с ванной. Открыв дверь в теплый полумрак, она наставительно проговорила:

— Будешь убирать постель сюда. Видишь полку? Давай складывай все.

ПРОСТО ВСПОМНИ ОБО МНЕ

— Они не влезают, — жалобно отозвался Данил из темноты.

— Потому что ты поперек положил...

Перехватив стопку, она оттеснила его и уложила все как надо. Он наблюдал поверх ее плеча, не сдвинувшись с места, и Даша внезапно ощутила, как от его близости по ее коже пробежала мелкая теплая волна.

«Пора повидаться с Федором как следует, — подумала она с неудовольствием. — Похоже, я уже на пределе...»

Эти свидания никогда не доставляли ей особой радости, но природа требовала своего, и к тому же Федор не был женат. Хотя в последние десять лет Даша и считала себя самостоятельной женщиной, забота о том, что у ее сына должен быть отец, неустанно подтачивала ее, как настырный жучок. Главным образом потому, что Даша не представляла, как прожила бы без своего отца. О матери она никогда не думала.

До ее представлений о настоящем отце Федор никак недотягивал, и потому Даша всякий раз увиливала от свидания с ним, но наотрез не отказывала, ведь другого на примете не было. К тому же как раз он и руководил той фирмой «Досуг», где Даша работала. До сих пор Федор ни разу даже не намекал, что она — в его власти, но сама Даша постоянно помнила о том, что необременительный возлюбленный вполне может пустить ее по миру.

— От тебя пахнет яблоком, — тихо сказал Данил.

— Правда? Ну не знаю... Тебе нравится?

— Я люблю яблоки.

— Ладно, куплю, — вздохнула Даша. — Вам обоим нужны витамины.

Он обиженно напомнил:

— А шарики?

— Какие... Ах да, шарики... Хорошо, как-нибудь.

Ее вдруг осенило, и, схватив Данила за руку, она потащила его в комнату. На всякий случай, накинув длин-

ный халат — желтый, украшенный прозрачными морскими травами бирюзового цвета, — Даша забралась на стул и вытащила из верхнего отделения шифоньера мешок с вязальными нитками.

— Смотри! — не скрывая ликования, воскликнула она и высыпала разноцветные клубки прямо на ковер.

У Данила восхищенно округлились глаза, а губы медленно приоткрылись. Не веря себе, он опустился на колени и огладил сразу все шерстяные шарики одним широким движением. Встретившись с его сияющим взглядом, Даша поежилась от сожаления, холодком пробежавшего по телу: «Как мало ему нужно для счастья... Может, так и должно быть? Я уже так не умею». Внезапно ей стало так жаль себя, — отягощенную бесконечными делами и заботами, — что она едва не расплакалась. Не пожалев красивого халата, подаренного Федором, она села рядом с Данилом, чувствуя, как ворсинки ковра покалывают через тонкий шелк.

— Это еще что, — мечтательно сказала она и сама увлеклась тем, что обещала. — Вот когда наступит весна, я поведу вас с Сережкой в лес. Это в двух шагах, мы не заблудимся! Я знаю места, где целое море подснежников и кандыков. А мать-и-мачеха там появляется раньше, чем где бы то ни было... Вот где много цвета! Ты все это увидишь и сможешь потрогать.

Данил слушал ее и тихо улыбался. «Он уже видит это! — догадалась Даша. — Вот счастливчик...»

— Пусть они полежат здесь, — сказала она о клубках. — А мы все-таки должны поесть.

С сожалением оглянувшись на свое пестрое богатство, Данил отправился за ней следом. На кухне Даше пришлось в голову провести небольшой эксперимент, и она небрежно попросила:

— Включи газ, пожалуйста.

Не выказав никаких признаков замешательства, Данил чиркнул спичкой и зажег маленькое голубое пламя.

ПРОСТО ВСПОМНИ ОБО МНЕ

— Красивое, — сказал он, разглядывая нервные крохотные язычки, пляшущие в принудительном хороводе.

С удовлетворением испытателя Даша отметила, что механические операции он проделывает без затруднений. «Ну, не пропадет в случае чего...»

— Что хочешь: яичницу или омлет?

Данил оглянулся:

— Яичницу!

— Потому что она красивая?

— Да! — радостно отозвался он. — А как ты угадала?

Рискуя выронить яйца, Даша развела руками:

— Похоже, начинаю потихоньку понимать тебя.

— А я тебя, — серьезно заверил Данил.

Сдержав улыбку, она одобрила:

— Это хорошо. Так нам с тобой будет проще. А чем Ксения кормила тебя по утрам?

Все его большое лицо так напряглось и сморщилось, что Даша испугалась: «Зачем я напомнила?!» Но оказалось, что это вовсе не боль проступила наружу.

— Ксения? — переспросил он тоном, в котором были и недоумение, и желание держаться на том уровне понимания, о котором они только что говорили.

— Ты уже забыл ее, что ли?! — обиженно воскликнула Даша, готовая стукнуть что есть мочи по его беспомощной голове.

Но тут его глаза снова просияли.

— А, Ксения, — успокоенно проговорил он. — Я думал, ты и есть — Ксения.

— Черт возьми! Я — Даша. Я уже сто раз тебе говорила!

— Да, я помню, — невозмутимо заверил Данил и, хозяйски достав из ящика ножи и вилки, положил их возле тарелок.

«Мог бы и без ножа обойтись», — недовольно подумала Даша. Она терпеть не могла мыть посуду.

— Не так уж мы с Ксенией и похожи, чтобы нас путать, — проворчала она, аккуратно разбивая яйца.

— Совсем не похожи, — подтвердил Данил.

Забыв выбросить скорлупу, Даша с изумлением обернулась. Ее гость уже присел на низкий подоконник, упершись в него руками. Солнечный отсвет чистого неба оседал на его седых волосах зелеными пятнами.

«Он весь состоит из этих цветных шариков, — подумала Даша. — Совсем запутался в них... Разве можно упрекать его за это?»

— Садись, Даня, — она указала головой на табурет. — Только не ешь без меня! Я сейчас хлеб порежу.

Он ел с аппетитом здорового и влюбленного в жизнь существа. Украдкой наблюдая за ним, Даша заметила, как Данил несколько мгновений любитесь каждым желтым кружляшком глазуньи прежде, чем целиком отправить его в рот. Когда в соседней комнате послышалась возня, Данил так и просиял:

— Сережка проснулся.

Но в ту же секунду безмятежная прозрачность утра с треском пошла по швам от глухого удара и пронзительного мальчишеского вопля:

— Скотина позорная!

Одновременно громыхнув табуретами, они бросились туда, столкнулись у выхода, и Даша в сердцах отпихнула Данила. Ворвавшись в комнату, она увидела, как Сережка, еще в пижаме, пытается забраться на шкаф, где, выгнув взъерошенную спину, шипит Рыжий. Его стоявший торчком хвост подрагивал чуткой антенной, настроенной на вражескую волну. По всему было видно, что сдаваться без боя Рыжий не собирается. Стянув сына вниз, Даша с силой прижала его извивающуюся тельце:

— Ну-ка, успокойся!

— Да мама же! — вопил Сережка, выкручиваясь. — Этот гад, паразит чертов, опрокинул горшок с кактусом на мою приставку! Все землей засыпал.

ПРОСТО ВСПОМНИ ОБО МНЕ

— Прекрати ругаться, — она легонько шлепнула по его мокрому, ускользающим губам. — Сейчас я все уберу.

Но мальчик не желал успокаиваться. Метнув в Данила полный ненависти взгляд, он проорал:

— Какой козел тут клубков накидал? Рыжий разыгрался и начал с ума сходить.

Не выпуская сына, Даша примиряюще проговорила:

— Это я — козел. Это я их тут оставила. Недодумалась, ты уж прости.

— Да?! А если внутрь земля попала? Ты же мне в жизни новую не купишь!

— Я все почищу, — негромко сказал Данил. — Вскрою и уберу всю землю.

— Как будто ты умеешь! — презрительно процедил Сережка, глядя перед собой.

Он с первой минуты стал говорить Данилу «ты», но получалось не доверительно, а пренебрежительно. Дашу это коробило, однако, глядя в наивные глаза этого взрослого человека, трудно было представить, что кто-то может обратиться к нему иначе.

— Я умею, — спокойно ответил Данил и, взяв с журнального столика газету, расстелил на полу возле окна. Осторожно приподняв аппаратик для игр, он ссыпал с нее землю и легонько потряс. Потом оглянулся на Дашу: — Где можно...

— Иди на кухню, я сейчас принесу инструменты. У отца их было полно...

Отыскав в кладовке знакомую коробочку с маленькими отвертками, пинцетами и прочим, Даша торжественно поставила ее перед Данилом. Не испытав ни малейшего замешательства, тот выбрал нужную отвертку и принялся уверенно откручивать блестящие шурупы.

«Ух ты, как ловко! — восхитилась Даша, наблюдая за ним. — Видно, он занимался этим тысячу раз».

— А ты не посмотришь потом наш плеер? — осторожно спросила она. — Что-то цвет иногда пропадает.

Не прекращая работы, Данил согласно кивнул:

— Посмотрю.

«Ничего себе! — подумала Даша, на цыпочках выходя из кухни. — Если он с этим справится, ему просто цены нет!»

Она смела всю землю обратно в горшок и, осмотрев корни несчастного кактуса, который и так не хотел расти, воткнула его туда же. Презрительный взгляд Рыжего покалывал макушку, но Даша все еще сердилась на кота, который, даже не будучи черным, ухитрился то и дело вносить разлад в их жизнь.

— Для тебя я достала эти клубки, да? Паразит чертов, — повторила она слова сына, который умывался в ванной и не мог слышать.

Обернувшись, она убедилась, что кот пропустил слова мимо ушей; как поступал всякий раз, когда ему выговаривали за провинность. В такие минуты у него случались приступы чистоплотности, и Рыжий принимался вылизываться так тщательно, будто надеялся стать блондином.

— Паразит, — подтвердила Даша и с неохотой взялась за тряпку.

Протирая подоконник, она глянула в окно и жалобно воскликнула:

— Только не это!

У подъезда стояла черная «Волга» Федора. Он с язвительной усмешкой заявлял, будто ездит на этой машине, чтобы поддержать российский бизнес. Не слушая его, Даша мрачно думала: «Да плевать тебе на всех российских бизнесменов, кроме себя самого! Кому бы рассказывал...»

Пока она обреченно тащилась к входной двери, в мыслях, тесня друг друга, пробегали черные волны. Одна из них накатывала упреком, что Даша не удосужилась даже поставить Федора в известность, уехав на похороны. А другая поддразнивала: «Ну, объясни ему,

ПРОСТО ВСПОМНИ ОБО МНЕ

объясни, что это за мужик сидит у тебя на кухне в спортивных трусах?» Зато третья обдавала холодным безразличием: «Да не все ли равно, что подумает о тебе это ничтожество? Не считаешь же ты, что он тебе верен? Смешно даже думать об этом!»

Даша на такое и не надеялась. Впрочем, ей и не хотелось на это надеяться.

— Привет, лапуня, — по обыкновению томно протянул Федор, когда она открыла дверь.

Он утверждал, что именно так говорят на Украине, откуда Федор был родом. Даша не могла этого оспорить, поскольку с детства не выезжала из Сибири, но была убеждена, что эта неестественная, неприятная манера — его собственная. Дашу от его скучающего голоса неизменно тянуло в сон, поэтому уложить ее в постель оказывалось проще простого.

— Ты не больна? — без интереса спросил он и, не дожидаясь приглашения, которого Даша могла и не сделать, прошел в комнату. — А то я тебя потерял. Вчера пришлось собственноручно снимать совершенно идиотский праздник в каком-то училище... Как у вас в Сибири их называют? Шараги? Настоящая шарага. Плечи до сих пор болят, между прочим! Так что придется тебе масси...

Федор вдруг замолчал на полуслове. Едва не повизгивая от восторга, Даша со злорадством наблюдала, как он, застыв с приоткрытым ртом, разглядывает Данила такими глазами, будто у того было по меньшей мере две головы.

— Это... что? — утратив манерность, спросил он заикаясь.

— Это не что, а кто, — сдержанно поправила Даша. — Познакомьтесь, пожалуйста.

Данил улыбнулся так радостно, словно только и ждал появления гостя.

— А я вычищаю землю, — гордо сообщил он.

Федор медленно перевел на Дашу взгляд, полный такого неподдельного изумления, что даже стало слегка его жаль.

— Что он сказал?

— Пойдем, я тебе все объясню, — она не удержалась от смеха, поглядев на сияющее лицо Данила.

«Я вычищаю землю, — повторила она про себя. — Это звучит внушительно...»

Выскочив из своей комнаты, Сережка вежливо сказал:

— Здравствуйте. Заменяли стекло?

С первого же дня Федор запретил мальчику называть его «дядей», потому что сказки Успенского были у всех на слуху. Но обратиться к нему просто по имени Сережка до сих пор не решался.

— Пришлось, — понемногу приходя в себя, отозвался Федор. — Как там моя красавица? На месте?

Сережка отпрыгнул к окну и прижался к стеклу носом.

— Стоит. Вокруг ни души, — бодро отрапортовал он.

— Смотри-ка, что я тебе принес, — вспомнил Федор и запустил узкую ухоженную руку за пазуху.

— Во, класс! — завопил Сережка, выхватив маленького робота. — Он заводной, да?

— На батарейках, — рассеянно сказал Федор и, повернув мальчика, слегка его подтолкнул. — Ну иди, поиграй. Нам с твоей мамой нужно кое-что прояснить.

Хитро прищурившись, Сережка мотнул головой в сторону кухни:

— На счет этого? Да это так, дурачок один. Не берите в голову.

— Ну-ка иди отсюда! — вскипела Даша. — Никогда не лезь не в свое дело!

Что-то пробурчав (ей ничуть не хотелось узнать — что именно), мальчик, прихватив нового робота, скрылся в своей комнате. Федор проводил его нетерпе-

ПРОСТО ВСПОМНИ ОБО МНЕ

ливым взглядом, но в движении, которым он поправил свои мелкие черные кудри, были степенность и снисходительность.

— Итак? — вопросительно протянул он.

Даша уже приготовилась рассказать все, чего Федор не знал о последних днях, но вместо этого почему-то спросила:

— Что — итак?

Он сразу подобрался, и в вытянутом лице, носившем печать хронической усталости, проявился интерес. Такое выражение Даша наблюдала, лишь когда Федора достигал слух о возникновении очередной конкурирующей фирмы.

— Я полагал, что ты хочешь мне рассказать нечто занятное.

Даша согласно закивала:

— Я тоже так полагала. А теперь вот чувствую — не хочу, и все тут! Ничего не попишешь.

— Значит, вот как?

Расстегнув кожаный плащ на меху, Федор неторопливо прошелся по комнате, оглядывая все вокруг с таким удивлением, будто видел впервые.

Заметив на ковре перышко, он указал на него тонким узловатым пальцем:

— Вы так бурно провели эту ночь? Что делали? Подушками кидались?

— Не только, — уклончиво ответила Даша.

— А чем еще можно с ним заниматься? Он же дурачок. Даже твой сын...

— С каких это пор мой сын стал для тебя авторитетом? Может, с тобой тоже что-то произошло?

— А с тобой произошло? Где ты его подобрала?

Его узкие губы уже побледнели от гнева, но Даша наблюдала за ним с хладнокровием, удивлявшим ее саму.

— По наследству достался, — честно призналась она, зная, что как раз в это поверить невозможно.

Федор остановился, смерил ее взглядом и язвительно посоветовал:

— Пока не поздно, поменяй на kota в сапогах.

Не справившись с собой, Даша расхохоталась ему прямо в лицо и нахально ответила:

— Ну что ты! Он гораздо лучше kota.

— Даже проверять не буду, — угрюмо заверил Федор. — Я все-таки не понял: это всерьез? Да нет, не может быть...

— Почему это? — возмутилась она.

— Насколько я заметил, твой сын тоже не в восторге.

— А кто еще не в восторге? Я — в полном!

Теряя терпение, он повысил голос и перестал растягивать слова так, что каждое обвивалось вокруг шеи:

— Но этот парень... Он действительно слабоумный?

— Нет, он тебя разыграл, — с легкостью солгала Даша. — Чтоб ты драться не полез.

— Я? Драться?! Ты в своем уме? Я с пяти лет не дрался. А может, и до того...

«Нашел чем хвалиться!» — с раздражением подумала Даша, испытывая во всем теле то ощущение неловкости, которое возникает после порыва пыльного ветра. Ей не терпелось выставить Федора за дверь, сбросить подаренный им халат и прыгнуть под душ. Эта мысль так утянула ее, что Даша незаметно повела плечами, ловя невидимые упругие струи.

— А я все!

Она быстро обернулась на голос Данила и шагнула к нему так порывисто, будто собиралась нырнуть в незамутненную глубину его глаз.

— Может, вы все-таки позволите нам поговорить? — резко спросил Федор, полоснув его ожесточившимся взглядом. — Что за невоспитанность?

Перестав улыбаться, Данил прижал приставку к груди и молча скрылся в кухне. У Даши вырвалось:

— Зачем ты?! Не смей его обижать!

ПРОСТО ВСПОМНИ ОБО МНЕ

Она бросилась следом и нашла Данила на полу возле раковины. Он сидел, уткнувшись лбом в колени, а спасенная им приставка сиротливо жалась к его боку. С силой подняв его голову, Даша увидела, как подступающий плач оттягивает вниз уголки его рта.

— Мой хороший, — взмолилась она, торопливо поглаживая подрагивающие щеки, — только не плачь, слышишь? Он того не стоит! Я не дам тебя в обиду, ты мне веришь?

Справиться с трясущимися губами ему не удалось, и Данил только кивнул.

— Ну, вот и хорошо. — Она прижалась лицом к его колючей щеке. — Ты — умница, все сделал. Сейчас мы проводим этого... гостя... и проверим, как она работает.

— Я и плеер сделаю, — слегка успокоившись, пообещал он.

— Да конечно, сделаешь! Ты у меня такой молодец...

— Ты у меня? — раздался голос Федора, в котором опять зазвучали привычные интонации.

Он так резанул Даше слух, что ей захотелось демонстративно сунуть в ухо палец и как следует потрясти. Но она не выпустила судорожно сжавшихся рук Данила.

— Тебе лучше уйти, — холодно сказала она Федору и выразительно оглядела его, начиная с дорогих немецких сапог. — Мы потом встретимся и обсудим все... дела. Сейчас не время.

— Я вижу, — насмешливо отозвался он. — А мальчишка-то был прав...

— Ну и что с того? — напрямик спросила она.

Узкие кожаные плечи слегка передернулись:

— Да ничего. Твое право. Смешно просто.

— Вот и смейся на здоровье, — опять разозлившись, отрезала Даша. — Только подальше отсюда. «Волга» уже окоченела без тебя.

Она рассчитывала, что он обидится и уйдет, обругав ее напоследок, но Федор даже не двинулся с места.

Заложив руки за спину и чуть покачиваясь на носках, он беззастенчиво разглядывал сжавшегося в углу Данила.

— В своем плаще ты похож на эсэсовца, — не выдержала Даша.

Не обратив внимания на ее слова, Федор серьезно спросил:

— А все-таки что с ним?

— Пережил нервное потрясение. — Она улыбнулась Данилу. — Но все будет хорошо, правда?

— Я почию плеер, — заискивающе проговорил он.

Федор издал торжествующий возглас:

— А так ты все же как-то его используешь?

— Прекрати говорить при нем всякие гадости. — Она мягко высвободилась из рук Данила и поднялась. — Я провожу тебя...

— Да я и не торопился, — пробурчал Федор, шагая к двери. — Все же кто он такой? Откуда он взялся?

Щелкнув замком, Даша придержала дверь и наспех проговорила:

— У меня сестра погибла. Я ездила ее хоронить. Она собиралась за него замуж, так что он мне вроде как родственник. Как видишь, он выжил.

— А почему ты мне не сказала? — с упреком спросил Федор и осторожно положил руку ей на плечо. — Я съездил бы с тобой. А то пропала, и все! Я уж не знал, что и думать...

— Я не успела предупредить, все произошло внезапно, — опять солгала Даша и чуть шире открыла дверь.

— И что ты будешь с ним делать? Его же лечить надо. Нельзя это так оставлять!

Его голос зазвучал сочувственно, и это было так непривычно, что Даше сразу стало не по себе. Изнывая от желания вытолкать Федора, она нехотя призналась:

— Вера советует то же самое. Наверное, надо... А может, сам отойдет?

ПРОСТО ВСПОМНИ ОБО МНЕ

— Почему ты меня выпроваживаешь? Объяснила бы все сразу, я по-другому бы с ним разговаривал.

«Ты по-другому не умеешь!» — огрызнулась Даша про себя.

— Что уж теперь, — сказала она. — Ты уже напугал его. Теперь он будет шарахаться от тебя.

— Я вообще-то надеялся увезти тебя куда-нибудь. — Он оскорбленно приподнял голову.

Быстро потерев палцем узкий, выступающий подбородок, Даша проворковала:

— В другой раз, ладно?

— Понятно, что в другой раз... Я надеюсь, беспокоиться мне не о чем? — с нажимом произнес Федор и нахмурил брови, что вышло у него совсем не грозно.

Даша пылко возмутилась:

— Да ты что?! Хорошего же ты обо мне мнения!

Эта финальная сцена до того рассмешила ее, что, едва закрыв за Федором дверь, она так и зашлась беззвучным хохотом. Цепляясь за стены, Даша добрела до кухни и в изнеможении опустилась на пол рядом с Данилом. Он посмотрел на нее с веселым удивлением и нерешительно улыбнулся.

— Привет. — Даша подтолкнула его плечом. — Ты кто?

— Я — вождь племени сахаптинов, — гордо ответил он.

— Почему именно сахаптинов?

Выразительно выпучив глаза, Данил подергал плечами:

— Таким родился.

— А я кто? Ой, у меня уже слезы текут!

Он усердно вытер ей глаза ладонью. Только сейчас Даша заметила, что вся кожа на его руках покрыта ссадинами, уже поджившими, но все еще слегка воспаленными.

«Наверное, он выбирался из-под завала и весь ободрался», — с состраданием подумала она и, не задумываясь, имеет ли на это право, погладила его руку.

— А кем ты хочешь быть? — серьезно спросил Данил. — Хочешь, будь моей невестой? Я принесу тебе подарок.

— Какая уж из меня невеста, — без сожаления отмахнулась Даша. — Мне бы уж сразу в жены.

Он тотчас согласился:

— Можно. Для этого ты должна принять мой подарок.

— И все?

— А что еще?

— Действительно, — пробормотала Даша, украдкой оглядев свой красивый халат, — зачем принимать подарок, если и речи нет о том, чтобы стать женой.

Она думала обо всем этом поздно вечером, когда, уложив всех спать, по привычке закрылась на кухне, чтобы в темноте послушать радио. Все звуки в ее любимой магнитоле, подаренной сестрой, были так чисты, словно тут же, за столом, сидел невидимый музыкант и под гитару нашептывал грустные песни. Тихонько щелкнув рычажком, Даша легла на руку и увидела между легкими занавесками маленькую звезду.

«Техас называют штатом «одиноким звезды», — вспомнилось ей. — Почему? О каких индейцах он говорил? Может, они как раз оттуда? Я никогда не читала про индейцев, только смотрела в детстве фильм про Чингачгука... Надо бы расспросить Данила, наверное, это занимательней новостей, которые я зачем-то слушаю каждый день. Что в них может быть интересного? Все одно и то же... И вообще, что интересного в этой взрослой жизни?»

Сестра опять настойчиво просилась в ее мысли. Ксения никому не позволяла забывать о себе надолго, даже бывшему мужу звонила, как по графику, каждое воскресенье.

ПРОСТО ВСПОМНИ ОБО МНЕ

«Зачем? — удивлялась Даша. — Оставь ты его в покое! Ты же сама хотела, чтобы он ушел. Он и квартиру тебе оставил, и алименты платит, что тебе еще надо?»

У Ксении начинали злорадно посверкивать глаза: «А вдруг ему хорошо живется? Пусть помнит, что я существую!»

«Почему я думаю о плохом? — спохватилась Даша. — Разве так можно после похорон? Хотя... Почему это — плохое? Такой она была, и я ее любила. Она же не вождь, чтобы превозносить ее после смерти. Хотя теперь им тоже достается...»

И все же ей хотелось помнить только хорошее, ведь такого было много, а в голову лезли какие-то неприятные воспоминания, которые, казалось, давно забылись. Она вдруг увидела себя первоклассницей, с испачканными ладошками и двумя смешными «хвостиками», перетянутыми резинками от бигуди.

«Где отец взял эти резинки? — запоздало удивилась она. — Ведь в нашем доме никогда не появлялись женщины».

Их вечное неприсутствие тоже показалось странным — теперь, на расстоянии. А тогда они с сестрой и не представляли, что может быть иначе. Папа принадлежал только им.

«Бедный!» — Даша скривилась от раскаяния, но тут ее опять отвлекла проявившаяся сквозь время картинка, и она покрепче зажмурилась, чтобы лучше рассмотреть.

Ее слабые лопатки опять сдавила жесткая спинка стула: сестра привязывала ее, чтобы Даша не сутулилась. Сопротивляться не имело смысла, ведь Ксения всегда добивалась своего. Даше было больно и все время хотелось плакать, поэтому уроки она делала «тяп-ляп», как говорил отец, просматривая ее тетради, покрасневшие от троек.

«Все-таки это свинство! — с негодованием остановила себя Даша. — Совсем не время вспоминать такое...»

Хотя... Спина-то у меня прямая – дай бог каждому! Почему же я думаю об этом без благодарности?»

Тихим ответом, о котором Даша уже и сама догадалась, скрипнула кухонная дверь, и, просунув голову в щель, Данил шепотом пожаловался:

– Я не могу уснуть.

Даша выпрямилась и поманила его рукой:

– Иди, посиди со мной.

Он тщательно притворил дверь:

– Сережку не разбудить бы.

– Не бойся, у него крепкий сон. Иди же сюда... Ты любишь музыку?

– Да, – не сразу ответил Данил и, придвинув табурет, сел совсем близко. – Ты и вчера тут сидела и слушала эту магнитоу, и сегодня... Почему?

Неловко усмехнувшись, Даша совсем тихо призналась:

– Она поет мне о любви. Только она одна и поет. – И, вспомнив его обещание, спросила: – Ты еще не приготовил мне подарок?

– Нет, – с сожалением сказал он. – Я не успел. Зато плеер починил.

– Где ты этому научился?

– Не знаю. А этому учатся?

Даша в замешательстве раскрыла рот, потом посмотрела на Данила повнимательнее и с сомнением произнесла:

– Может, и нет... Почему ты назвался вождем племени сахаптинов? Они какие?

– Они настоящие, – уверенно ответил он и в подтверждение несколько раз качнул крупной головой.

– А ты? – с любопытством спросила Даша. – Ты – настоящий?

Он вдруг растерялся и жалобно заморгал:

– Я... я не знаю... Вот ты – настоящая.

– Почему? – Она замерла, ожидая ответа.

ПРОСТО ВСПОМНИ ОБО МНЕ

— У тебя глаза такие... Настоящие.

— Они у меня карие. А у принцесс всегда бывают синие.

Выпятив большие губы, Данил взглянул на нее с укором, потом не выдержал:

— Ты хочешь быть принцессой? Ты уже не хочешь быть моей женой?

— Хочу, — не смутившись, сказала Даша. Она взяла его руку и, зажав остальные пальцы, направила указательный на окно. — Смотри, там звезда.

Сосредоточенно проследив взглядом, Данил обрадовался:

— Правда, звезда! Маленькая...

— Тебе ее жалко?

— Может, ей нравится быть одной, — задумчиво ответил он. — Это ведь часто бывает.

Даша с тревогой спросила:

— А тебе?

— А мне нравится быть с тобой, — просто сказал он. — Можно, я тебя поцелую?

Не ответив, она повернула к нему лицо, но Данил осторожно прикоснулся губами к ее щеке.

— Вот так. — Он громко, счастливо вздохнул. — Вот теперь я усну.

Глава 3

— Ты уходишь?

«Опять!» — простонала она про себя. Всякий раз, когда за спиной раздавался этот жалобный возглас, у Даши так и сжималось сердце. Стараясь грубостью вытеснить жалость, она твердила слова подруги: «Купила себе поросю...» Еще не обернувшись, она поняла, что сейчас Данил попросит взять его с собой.

— Возьми меня с собой...

— А Сережка? — попыталась защититься она. — По-твоему, он один должен сидеть?

Данил умоляюще заглядывал снизу ей в глаза:

— Он поиграет с приставкой. Она хорошо работает!
Ему не будет скучно.

— Вот и ты поиграй...

— Я не люблю. У меня не получается.

— Как раз и научишься...

— Зачем?

«Действительно, — согласилась Даша. — У меня ведь тоже это не получается, но я и не собираюсь учиться».

Не позволяя себе окончательно размякнуть, она сердито спросила:

— Даня, почему ты все время сидишь на полу?

— А нельзя? — растерялся он.

— Да можно! Только... Тебе не холодно?

Мотнув головой, он широко улыбнулся, и в глубине слева сверкнула золотая коронка.

«Я ничегошеньки о нем не знаю, — уже без прежней паники подумала Даша. — Может, ему зубы надо лечить или чего-то нельзя есть... Кормлю его, как Сережку».

— Я боюсь вставать, — тихо признался Данил, отве-
дя глаза. — Когда я стою, все кажется таким странным...

«Потому что ребенок смотрит на все снизу, — догада-
лась Даша. — Он считает естественным такой взгляд».

— Индейцы всегда сидят на земле, — добавил он.

— Как же ты собираешься идти со мной? — Она ре-
шила его развеселить. — На четвереньках?

Он громко расхохотался, спугнув кота, и умоляюще заглянул Даше в лицо. Не удержавшись, она погладила его по голове, потеревив щепотью постаревшие воло-
сы. За эти полмесяца странности Данила совсем пере-
стали ее пугать, и Даша уже не находила ненормальным то, что разговаривает, как с сыном, с человеком, кото-
рый лет на десять ее старше.

— Я встану, — пообещал Данил, но не сдвинулся с места.

Рыжий опять бесстыдно развалился у него между но-
гами, устроив на большом колене вытянутую несимме-

ПРОСТО ВСПОМНИ ОБО МНЕ

тричную морду. Подавив вздох, Даша без особого желания сообщила:

— Я иду в кафе. По четвергам там собираются поэты. Ты любишь стихи?

Когда его лицо вот так болезненно напрягалось, у Данила становился настолько несчастный вид, что Даша была готова за него ответить на все вопросы. Но она держала свое сострадание под контролем, полагая, что необходимо приучать его к мысли, что надо взростеть. Правда, иногда она с недоумением спрашивала себя: «А зачем? Он такой хороший...» Потом принималась себе же яростно доказывать, что это просто необходимо, и все. Без объяснений.

— Я не знаю стихов, — наконец признался он и покраснел до того, что даже глаза заслезились.

— Пойдем! — вырвалось у Даши.

Она решительно протянула руку, и Данил, стряхнув kota, обрадованно схватился за нее. Дав Сережке последние наставления, от которых десятилетний сын небрежно отмахнулся, она поглубже натянула Данилу меховую шапку и закутала горло. Месяц назад Даша и вообразить не могла, какое это, оказывается, удовольствие: заботиться о мужчине. Сережка ей этого уже не позволял и вырывался на улице, если Даша пыталась взять его за руку. Она все время ощущала в ладони пустоту.

«Почему ты не играешь с Данилом? Ему же скучно одному», — как-то сказала она, увидев, как сын перетаскивает игрушки в другую комнату.

«Да ну его, — пробурчал Сережка в ответ и вывалил гору пиратов на ковер. — Он как маленький... Всему верит! С ним неинтересно».

Даша строго напомнила:

«Он болен, ты же знаешь».

«Да знаю... Только все равно неинтересно. А он так никогда и не повзрослеет?»

По дороге она держала Данила за руку и наслаждалась этим, исподволь наблюдая, как он смешно морщится от мороза и прикрывает нос рукавичкой. Своих у него не оказалось, как и шарфа. Даша отыскала на антресолях отцовские варежки, а шарф отдала свой — старый. Она больше не задавалась вопросом, зачем же это делает. Ей нравилось это делать. Неприятно было только отвечать на вопросы посторонних.

Но в том кафе, куда они направлялись, никто никем не интересовался. Считалось, что по четвергам там собираются послушать друг друга, но Даше казалось, что каждый слышит лишь собственные стихи. Ее это вполне устраивало, потому что она стихов не писала и говорит ничего не собиралась. Даше просто хотелось побыть со всеми на равных, ведь обычно всё обстояло иначе: все отдыхали, а она работала.

— Мне нравится, — весело сообщил Данил, опустив руку. Нос у него был совсем красным.

— Закрой, закрой! — крикнула Даша. — Отморозишь еще... Такая холодища несусветная!

— Мы так долго идем...

— Да мы только вышли! Ты что, уже устал?

Он молча дернул плечами и опять закрылся варежкой. Приняв его послушание как должное, Даша встревоженно подумала: «Устал... Это еще что за новости? Не может же он и физически превратиться в ребенка... Или усталость — это тоже психическое явление?»

Сама Даша только дома позволяла усталости тяжестью осесть в пояснице и грузом повиснуть на ногах. Тогда она задирала их на спинку дивана и минут на десять «умирала», как говорила сыну, чтобы он ее не тревожил.

«Мам, ты воскресла?» — лукаво спрашивал Сережка через какое-то время.

«Жизнь продолжается», — думала Даша без особого энтузиазма и заставляла себя встать.

ПРОСТО ВСПОМНИ ОБО МНЕ

— Наша «Радуга» — особый район, — заговорила она, чтобы развлечь Данила. — У нас свои тайны. Вот, например, видишь магазин «Чибис»? Для приезжих это самый обычный магазин, а местные помнят, что на «Радуге» жил парень по кличке Чибис. И все девчонки были в него влюблены... По-моему, даже Ксюшка, хотя она вообще ни в кого не влюблялась.

— И ты? — спросил Данил через варезжку.

Даша преувеличенно громко фыркнула:

— Да еще маленькая была! Его убили, этого парня... Оплакивал его весь наш район, честное слово! И теперь, когда я вижу этот магазин, мне кажется, что им владеет одна из тех, влюбленных в Чибиса, девочек.

— Но ты — нет, — радостно повторил он, заглянув ей в лицо.

— Вот и пришли! — бодро воскликнула Даша и сама покривилась от этого ненатурального «взрослого» тона.

Как чужой, она с раздражением напомнила себе: «Он же не слабоумный, а просто ребенок».

Владелец этого нового для «Радуги» заведения в прошлом году издал на собственные деньги книжечку своих стихов, которые Даша не могла читать без зубовного скрежета. Но это событие настолько подняло Василия Скорнякова в собственных глазах, что он даже ощутил настоятельную потребность облагодетельствовать собратьев по перу. Кроме бесплатной рюмки водки по четвергам, его поэтическая фантазия ничего не выродила, однако, насколько Даша успела заметить, и этому убогому дару все были искренне рады. Сам Скорняков от своей человеческой щедрости тоже не оставался внакладе, потому как остановиться после первой рюмки мог только случайный посетитель. На Дашу хозяин поглядывал косо, ведь водки она не пила даже на даровщинку, а заказывала чашечку кофе. Но у Скорнякова хватало ума понимать, что красивая женщина обла-

дает притягательностью для поэтов, даже если она так откровенно бедна. Правда, уже после второй рюмки собравшиеся почему-то переставали замечать каких бы то ни было женщин. Дашу это ничуть не задевало, ведь мужчин она в них не видела.

— Давай снимем шапку, — предложила она в «предбаннике».

Данил поспешно стянул ушанку, потом рукавицы и взглядом спросил ее: «Всё?»

— Остальное снимем в зале, — ответила она. — Там стоят такие металлические вешалки с рогами!

Она изобразила это руками, рассмешив Данила. Он всегда хохотал во весь голос, не обращая внимания, есть ли рядом люди. «Может, так и надо, — с сомнением думала Даша, подталкивая его к своему любимому столику в углу. — Почему нас волнует чужая оценка собственного поведения? Кто сказал, что она — правильная? А если вокруг дураки?»

Даша вовсе не была уверена, что вокруг дураки, но допускала такую возможность. Уже полгода она приходила к Скорнякову по четвергам и не раз имела возможность убедиться, что, оказывается, не все писатели так умны, как ей казалось раньше. Поначалу Даша впитывала их суждения с благоговением жадной до знаний ученицы, но однажды услышала, как повторился один из них, преподав уже звучавшую мысль, как только что родившуюся. Потом другой... За несколько месяцев Даша не менее трех раз выслушала все истории о шапочном знакомстве с известными поэтами и выучила все знаменитые афоризмы. И не ощутила, что стала от этого хоть чуточку умнее.

Уже начиная скучать в их кругу, она все же не решалась от него оторваться, потому что другого у нее попросту не было. Чужие праздники обычно кружились вокруг нее хороводами, не увлекая за собой. И в кафе Даша не чувствовала себя своей и всегда молчком про-

сживала вечера в своем уголочке. Но здесь было еще несколько таких же, как она, — прибившихся с мороза к огоньку, и это позволяло Даше не видеть в себе приживалку.

Сейчас ей казалось, будто она на глазах неверного возлюбленного прогуливалась под руку с другим. Толкая Данила в спину, она словно выставляла его напоказ: «Вот, смотрите! У меня тоже есть мужчина. Да еще какой!» В эти минуты Даша смотрела на него чужими глазами, и то, что она видела, ей нравилось. Даже больше, чем она ожидала.

«Все же надо его вылечить, — мелькнула у нее шальная мысль, но Даша тут же испугалась ее. — Да что это я... Он же Ксюшин... Но ведь...»

Ей до сих пор было страшно до конца отслеживать любые мысли о сестре. Но, как ни странно, Данил не служил живым раздражителем ее неостывшей боли. Даша почти и не вспоминала, что он так тесно был связан с сестрой, ведь ей не доводилось видеть их вместе.

— Снимай свою дубленку, — шепнула она, добравшись до столика.

Он послушно разделся, потянулся к вешалке, потом замер, осмотрел ее и поглядел через плечо на Дашу заискрившимися глазами. Когда Данил смеялся, глаза у него начинали светиться.

«Даже ресницы у него, как у ребенка, — длинные», — с умилением отметила Даша. У Сережки тоже были длинные, но она почему-то и мысли не допускала, что такими они и останутся.

— Рога, — шепнул Данил и стрельнул глазами по сторонам: не услышал ли кто?

«А-а, соображает, что нужно говорить тихо!» — обрадовалась Даша. Ей не хотелось попадать из-за него в неловкие ситуации, хотя до сих пор Данила не в чем было упрекнуть — он вел себя вполне сносно. Наверное, со стороны и подумать нельзя, что с ним что-то не так.

— Садись, — негромко сказала она и сама села первой, чтобы (опять же со стороны!) никто не посчитал его дурно воспитанным. Отчего-то ей казалось, что Данил каким-то образом это почувствует.

Пока не подошел официант, в котором Даше виделся скрытый кокаинист, она решила выяснить, что Данил захочет заказать. В его взгляде опять проступила растерянность, а губы озабоченно напряглись. Он так силился угодить ей и не оплошать, что Даша сжалилась и подсказала:

— Хочешь «Пепси»?

— Хочу! — Его еще красное с мороза лицо оживилось.

На прошлой неделе Даша покупала им с Сережкой двухлитровую бутылку, и они оба так обпились, к вечеру начали икать. Это развеселило их до неприличия. Данил хохотал так громко, что Даша пригрозила дать обоим ремня.

— А икать не будешь?

Он тихонько прыснул и помотал головой. «Хороший мой, — с нежностью подумала Даша и опять едва не погладила его по голове. — Повезло твоей маме... Такой милый был мальчик».

Ее внезапно охватило чувство, полярное тому, что она испытывала минуту назад: страх, что он вылечится и станет как все. Взрослым.

Перебивая собственные мысли, она быстро заговорила:

— Когда подойдет официант, скажи ему: «Кофе и «Пепси»».

Данил вопросительно склонил голову:

— Кофе? Зачем?

— Мне — кофе.

Он понятливо кивнул:

— Скажу. Так надо?

— Да, так надо. Заказ делает мужчина.

ПРОСТО ВСПОМНИ ОБО МНЕ

— Мужчина, — повторил он и довольно разулыбался.

— Ну да. Можешь поиграть во взрослого?

Не выказав ни малейшего удивления, Данил подтвердил:

— Могу.

Даша с изумлением проследила, как он небрежно откинулся на спинку, положив руку на стол, слегка побарабанил пальцами и оглядел зал с видом готового зевнуть аристократа.

«Вот, черт возьми! — восхитилась она. — Все дети — великие актеры».

Но прежде официанта к ним подошел один из поэтов, имя которого Даша не запомнила, поскольку его стихи прошли мимо нее. Она не бралась судить, плохи они или хороши. Просто одни ложились ей на душу, а другие — нет.

— Вечер добрый, — прохрипел поэт, низко наклонясь над столиком. — Мы не знакомы? Вы не из наших? Где я мог вас видеть?

Он обращался только к Данилу, на вспыхнувшем лице которого выразился неподдельный ужас. А Даша моментально представила, что на такой вопрос может ответить ребенок. Да что угодно!

— Вряд ли вы его видели, — не позволив ему и рта раскрыть, сказала она. — Он приезжий.

— Москвич? — почему-то спросил поэт, еще ближе подавшись к Данилу.

Но тот неожиданно хихикнул:

— «Москвич» — это машина.

Похожие на запятые брови высоко подскочили над переносицей. Поэт с недоумением протянул:

— Шутите?

Данил только радостно улыбался. «Гордится тем, что блеснул эрудицией», — поняла Даша.

— А что, — спросила она с вызовом, — здесь и пошутить нельзя?